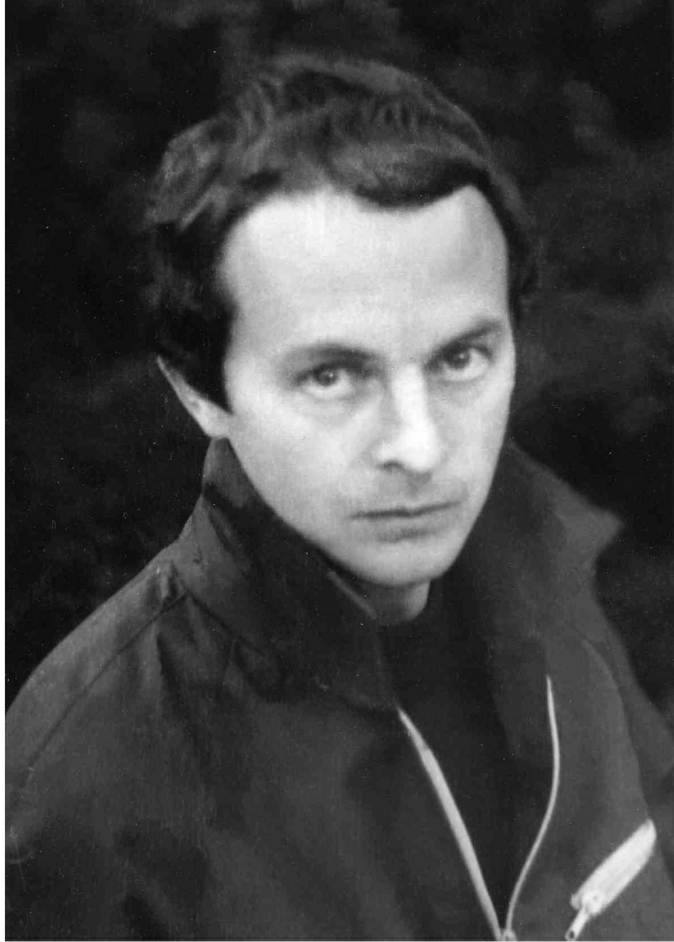

*Союз
Российских
Писателей*

Владимир Коробов

САД
МЕТАМОРФОЗ

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА
СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
2008

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К66

Коробов В. Б.

Сад метаморфоз: Стихотворения. — М.: Союз российских писателей, 2008. — 127 с.

ISBN 978-5-901511-06-0

Книгу известного московского поэта Владимира Коробова составили стихи, публиковавшиеся в ведущих периодических изданиях России — журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Континент», «Грани», «Москва», «Юность», а также в еженедельниках «Литературная газета» и «Литературная Россия». Его стихам свойственны живописность, яркая метафоричность и элегичность интонации. По мнению критики, они способны передать «тончайшие нюансы состояния души, трагизм современной жизни».

Книга снабжена предисловием и факсимиле одного из стихотворений автора.

ISBN 978-5-901511-06-0

© Союз российских писателей, 2008
© В. Б. Коробов, 2008
© С. Ф. Муратов, оформление, 2008
© Н. П. Рогачёв, фото, 2008

УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ БЫТИЕ

Есть стихотворцы, которые считают, что стихотворение суть эксцесс, которым следует рубануть по нервам читателю. Есть что-то инфантильное в таком непременном желании шокировать, но, впрочем, это не страшно, пока педалируемый конформизм не превращается в бизнес. Хуже, когда именно такая творческая модель становится чуть ли не всеобъемлющей.

Тем ценнее поэзия тех, кто полагает, что стихотворение не эксцесс, а событие, откровение, кто не растерял в хаосе жизни культурного нравственного отсчета. Есть у Владимира Коробова стихотворение — «В больничном саду» — о ребёнке, следящем за листопадом: *«...И там, в осеннем запустенье, // За лёгкой дымкой пустоты, // Ребёнок, напрягая зренья, // Следит, как падают листья. // Ему так хочется запомнить // До бесконечных мелочей // И сад болезненно огромный, // И листопад, совсем ничей...»*

Статься, поэт ставит перед собой ту же задачу: до мелочей запомнить ускользающее, уходящее бытие, лучшее в нём. И не предать память рано сгоревших друзей. Не поддаться циничной рутине жизни. Его стихи теплы теплом сердца, которое передаётся читателю доверчиво и убеждённо, что тому это нужно.

В маленьком этюде, вослед Тютчеву и Анненскому, он умеет передать то огромное, что хоть раз в жизни, да испытал каждый:

*Золоточешуйчатая ночь,
Влажнофиолетовая глыба, —
Ты из рук выскользываешь прочь
И ныряешь в бездну, словно рыба.
Облаков колебля плавники,
Ты луны выкатываешь око...
Звёзды сбились в стаи, как мальки,
В пригоршне недремлющего Бога.*

А читая пейзажные стихи «Сада метаморфоз», я вспомнил замечательно точные слова Василия Розанова: «Кто воспел русскую осень — уж будьте уверены, есть в то же время и глубоко чувствующий русский гражданин, способный к подвигу, к долгу, к терпению и страданию за родину».

И впрямь: есть ясная и короткая связь между духом творчества, его темой — и нравственно-поведенческими возможностями поэта. В нашем отечественном сознании ещё и по сегодня поэзия не секуляризирована, неотделима от высоких духовных ценностей и религии, стихотворение — это всегда раскаяние:

Язык мой нем, глаза незрячи,
Душа убога и пуста,
Когда беру я в церкви сдачу
От купленного мной креста.

В полупустом холодном храме
Я озираюсь, словно вор,
И медными звеня деньгами,
Гляжу в глаза святых в упор.

Как недоступны эти лики!
Какая бездна пролегла
Между носившими вериги
И тем, кто чужд добра и зла!

А рядом — молятся старухи
За тех, кто жалок и убог...
И милостыню ждёт безрукий,
Ушанку притулив у ног.

И я стою, сутуля плечи,
Как будто в мир попал другой,
И машинально ставлю свечи
За упокой, за упокой...

Поэзия — быть может, самый хрупкий из всех родов творчества, менее других зависящий от волевого желания и успешно реализуемой задумки. Феномен написания стихотворения, феномен вдохновения — не подде-

жит рациональному объяснению. Но убеждён: наша, по крайней мере, поэзия, возникающая на русском, себя ещё покуда не исчерпала. Одно из свидетельств тому — эта книга.

Юрий Кублановский

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕЙЗАЖ

Нацелено солнце в мишень паутины,
Без промаха бьёт! И ослепшим глазам
Мерещатся — в яркой палитре куртины —
Борисов-Мусатов, Ван-Гог и Сезанн.
Какое скопление оттенков и цвета!
В траве изумрудной — росы холодок —
В сто раз увеличенный линзой света
И вправленный в лето хрустальный глазок.

Пейзаж онемел, гениально наивен,
Меняя на солнце, как ящер, тона, —
То монументален и декоративен,
То смутно воздушен, как сон и весна.
А там, где природы исчерпаны тубы,
Такие объёмы провидит творец,
Что круглые кроны формуются в кубы,
Взяв зрение мастера за образец.

* * *

Дерево к ночи — подобье гнезда,
Тихий приют, примиливший собою
Птиц, утомившихся в небе, когда
Сердце пресытится вдруг высотой.
Те, что устали, найдут на Земле
Отдых и кров. Значит, время гнездиться.
Пусть в обессиленном ветром крыле
Жажда по небу до срока таится.
Горлицы спят...

И хранит темнота
Хрупкий союз, что задумали двое.
О, как целебно мерцает звезда
В час этот поздний над кроной сквозною!

* * *

Люблю бродить в ночном саду,
Саду метаморфоз,
Где отражённый свет в пруду,
Как лилия, пророс,
Где тишина, где нет тропы,
И в небе, после гроз,
До боли колются шипы
Звёзд.

БАБОЧКА

Как будто вырезана, сшита
Перстами лёгкими, она
Спешит присесть на куст самшита,
Благословляя жизнь. Весна!

Господнее благодаренье —
Благоухающий овраг,
И белой бабочки паренье,
Когда она вступает в брак.

Беянка? Бархатница? Кто ты?
Как безупречен твой узор!
Спеши! Заполнит скоро соты
Июль, и пожелтеет бор.

Лишь только лист земли коснется,
Свой волен замысел стереть
Творец... И значит — остаётся
В небытие перелететь.

* * *

Летний денёк нынче выпал такой
Яркий и длинный,
Что заплутал во дворах, как слепой,
Пух тополиный.

Сколько его на бульвар намело,
В щели забило!
Стало вокруг непривычно бело,
Странно и мило.

Нежной такой не припомнить зимы
В сумерках, чтобы
Благоухали жасмином из тьмы,
Пели — сугробы.

И, оробев, растерялась душа:
Кто его знает,
Вдруг летний снег, тёплым ветром дыша,
Завтра растает?

* * *

От жары изнемогая
И не ведая стыда,
Девочка сидит нагая
У зелёного пруда.
Бабочка над нею вьётся,
Весело бежит вода...
Девочка не шелохнётся —
Бронзовую отлитá.

ГРОЗА

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома...

А. Майков

Померкло небо голубое.
Упала с грохотом гроза.
И над отвесною скалою
Блеснули молнии глаза.

И под нависшей кроной бука,
Боясь друг друга потерять,
Мы от внезапного испуга
С тобой обнялись — не разъять!

Уже и тучу вдаль умчало,
И солнце высветлило путь...
Ты ничего не замечала,
Не в силах руки разомкнуть.

В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

(из детства)

Скамейка,
Зеркало,
Стекло, как сон, туманно,
Над простынёй
Крахмальной белизны
Колдуют руки женские,
Нежны,
Струятся волосы,
Вода бежит из крана,
И локон падает —
Созревший колос ржи,
Но ты ещё не чувствуешь обмана,
И ножницы,
Мелькая, как стрижи,
Дробятся в зеркале, и видеть это странно...

* * *

Фонтан отвергнут высотой.
К шипам цветка не подступиться.
Так с обречённой красотой
Немыслимо без боли слиться.
И одинока, и горда,
Она — собою любованье,
Нарцисс, склонённый у пруда:
Над звёздной бездной мирозданья.

В БОЛЬНИЧНОМ САДУ

Н. А.

Больничный сад зарос травой.
Сжигают мусор у оград.
И над опавшею листвою
Кружит последний листопад.

И там, в осеннем запустенье,
За лёгкой дымкой пустоты,
Ребёнок, напрягая зренье,
Следит, как падают листья.

Его глаза сквозь толщу стёкол
Едва улавливают их.
Но, озираясь одиноко,
Он, может, счастлив в этот миг?

Ему так хочется запомнить
До бесконечных мелочей
И сад болезненно огромный,
И листопад, совсем ничей...

Потом, когда больное зренье
Устанет всматриваться в тьму, —
Души ранимые прозренья
Помогут мир открыть ему.

БАЗАР

Не лжёт календарь: вот и прожита осень,
Подсчитан доход за базарным лотком.
И дни, словно яблоки, падают оземь
И зимним на вкус отдают холодком.
Окончен сезон. За прилавками пусто.
Распродан «за так» залежалый товар.
И частник глядит безнадежно и грустно
На редких зевак: мол, какой с них навар?
Истлело в садах плодоносное лето,
Сгорело в кострах и рассыпалось в прах!
Грядущего года составлена смета,
Минувшая осень горчит на губах.
На ржавый засов закрывают ворота —
До лета лишился пристанища пёс.
И дворник с похмелья ворчит на кого-то,
Сметая метлой ворох высохших роз.

А были деньки, когда чрево базара
С рассветом росло не по дням — по часам,
И склады ломились, треща от товара,
И трудно держать было тару весам,
И прыгали гирьки, и звякали миски,
И падал, звеня, к пяточку — пяточок,
И влажные груды упругой редиски
В чудесный увязаны были пучок.
О, как над прилавками ловко и быстро
Мелькали ножи! О, как было пестро!
И рыба сияла в сетях серебристо,
И цинковым солнцем слепило ведро!
И прямо у ног, ускользая от жара,
Змеёю ползла, извивалась лоза,

И жёлтая дыня, как жаркая фара,
Пронзительно била прохожим в глаза.
Смотреть на товар просто не было мочи!
Как гейзер, вскипал, завлекая, базар,
Торговки толклись, толковали о Сочи,
И бронзой на лица ложился загар.
А грузчики, злясь, изнывали от пота,
Толпе преподав сквернословья урок.
И в лавке мясной шла такая работа —
Аж брызгала кровь мяснику на сапог!
Вонзался топор, ладно спорилось дело,
Сочилось нутро освежёванных туш,
Лишь мальчик, бледнея, глядел оробело,
Забыв от испуга про золото груш.
Здесь крупною солью на солнце блистало
Копчёное сало с лавровым листом,
Хозяйка купюры, как книгу, листала,
Лиловая печень лежала пластом;
Здесь царствовал торг и ценился обычай
Собакам бросать, хохоча, потроха;
Здесь связки ещё не ошипанной дичи
Томились на крючьях уликой греха.
Роилась толпа и всходила, как тесто,
Рябило в глазах от нарядов и лиц —
Так в клетке, пожалуй что, не было тесно
От пленных щеглов, канареек, синиц.
Там круг знатоков цепенел, созерцая
Свой бойкий, живой, голосистый товар.
Хлопушкой взрывались, взлетев, попугаи!
Казалось, немного — и вспыхнет пожар.
Как нежно сачком извлекались из банки
Мальков и ракушек цветных леденцы!
Дельцы рассуждали о свойствах приманки,

На цены клевали наивно юнцы.
Ныряли в аквариум красные рыбки,
Чьи зыбки казались и хрупки тела,
И смутным подобием детской улыбки
Светились сквозь мутную зелень стекла.
Тут молча, без слов, заключались все сделки,
Скреплялся за первым углом договор,
Тут моря дары превращались в поделки
И ходким товаром был раковин сор,
Тут вольный любитель подводного лова,
Шутя продавал за рапаном — рапан,
И, ухо приставив, вы слышали снова,
Как гулко за трёшку шумит океан.
Вздымались горой привезённые грузы,
И впрок заготовлены были сполна
В короткие сроки: мешки кукурузы,
Орехи, инжир, помидоры, хурма,
Урюк, алыча, кабачки, баклажаны,
Чеснок и маслины, капуста и лук, —
Как будто сошлись все державы и страны,
Края и республики съехались в круг...
О, рынок земной! Допотопность базара,
Кричащая яркость, возвышенный быт,
Обыденность чуда, божественность дара,
Твой смысл не банален и стиль не избит!
Пусть в небе летят над тобой самолёты,
Прносятся мимо, свистя, поезда, —
Устройство твоё совершенно, как соты,
Прекрасна людская твоя суета!
Люблю, затерявшись в толпе, бесконечно
Глазеть на базар, словно в калейдоскоп,
Где звёзды узоров, меняясь беспечно,
Не знают повторов, как в детстве... И чтоб

Тянулось блаженство, где всё не случайно,
Где каждый прохожий — желаемый гость.
О, только б не верить упрямо, что тайна —
Лишь зренья обман, жалких стёклышек горсть!

СРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО

Как часто дереву случалось,
Когда придёт его пора,
Цвести в саду.

Но оборвалась
Жизнь под ударом топора.
С тех пор прошло и лет немало,
И сад зарос давным-давно.
Но я запомнил, как лежало
И мёртвое цвело оно...

* * *

Постояли у башни Зенона,
Не спеша обошли Херсонес,
Но с высокими волнами звона
Не сошли к нам преданья с небес,
Не встревожил нас колокол медный,
Не навеял прошедшего нам,
И казался чужим этот бедный
И разрушенный временем храм.

То ли боги от нас отступились,
То ли нам наплевать на богов, —
Только стёрлись слова и забылись
И нельзя разобрать этих слов...
Но на выкрики: «Зрелищ и хлеба!»
Над пустым нашим, жаждущим ртом
Вдруг однажды откроется небо
С золотым и нетленным крестом.

ГОМЕР

Кто покусится, кто оспорит
Сего слепого глазомер?
Как в раковине бьётся море,
Так в имени твоём, Гомер,
Оно шумит — столетья вторят,
Твердя божественный размер.

* * *

Золоточешуйчатая ночь,
Влажнофиолетовая глыба, —
Ты из рук выскользываешь прочь
И ныряешь в бездну, словно рыба.
Облаков колебля плавники,
Ты луны выкатываешь око...
Звёзды сбились в стаи, как мальки,
В пригоршне недремлющего Бога.

* * *

А.

И море остыло. И лодки забыты.
И пляжи до лета фанерой забыты.

Так, значит, как раньше, так, значит, как прежде
Вдвоём не бродить на пустом побережье,

Так, значит, уже не сбежать нам с тобою
К весёлому морю весёлой тропюю,

Не плыть, не лежать на заброшенном пляже,
Касаясь волны, словно пенистой пряжи...

Что было — прошло. И всё реже и реже
Мне верить погоде и верить надежде.

То хрупкое лето волною разбито.
И море остыло. И гавань размыта.

Ржавеют в воде ненадёжные сваи.
Кричат о беде перелётные стаи.

Я выйду на зов. Постою на причале.
Прочнее, чем эта, не будет печали.

Пройдёт теплоход и вдали растворится.
Ничто не вернётся и не повторится.

* * *

Как браслет, с твоей руки
Ящерица соскользнула...
Вечер. Тлеют огоньки
Саклей старого аула.

И как сотни лет назад —
Запах дома, хлеба, дыма,
До земли склоненный сад
Спелых звёзд степного Крыма.

КУПАЛЬЩИЦА

Клянусь, рождённая волной
На берегу она стояла,
И волосы перебирала —
На струнах арфы золотой
Себя, как музыку, играла.

ПРОИСШЕСТВИЕ

Дворы опустели.
Меня жильё,
По улицам ветер скитался.
И прямо на ветках
Сушилось бельё,
Рубахи пузырь раздувался.

Я, может, гулял,
Может, брёл по делам —
Не помню. Но я растерялся,
Когда, пробежав
По садам и дворам,
С цепи словно — ветер сорвался!

Качнулись деревьев
Нагие верхи,
Посыпались сучья и гнёзда.
И туча из листьев
И прочей трухи
Нависла над городом грозно.

И то ли устав
От владельцев своих,
От варки, от синьки, от стирки —
Рванулось бельё,
Будто парус, и вмиг
Взлетело внезапней, чем в цирке!

От быта уйдя
В синеву бытия
(Хозяйка и та обомлела),

Как белая птица,
Одна простыня
Всё выше и выше летела.

Кружилось, неслоь,
Кувыркалось бельё,
Взметалось под самое небо,
Как будто бы мстило кому-то за всё,
За метки и штамп ширпотреба.

А рядом — зевак
Разрасталась толпа,
Научно про чудо судила.
И только собака,
Хоть с виду глупа,
Почуяв тревогу, завывала.

Но выдохся ветер.
Запнулся и сник.
И солнце на миг просияло.
И простынь под общий
Испуганный крик
Подстреленной птицей упала.

Лежала на улице,
В луже, в грязи,
И краем крыла трепетала, —
Как после разлуки,
Как после грозы,
Которой ей так не хватало...

* * *

А.

Облетела листва,
Стало тише и проще,
Затаились дожди,
Замер сад до весны,
Лишь заря золотит
Облетевшие рощи,
Словно листья опять
Осыпаться должны,
Словно осень всему —
Золотая основа,
Словно снова в саду
Долгий дождь моросит,
И вернулось всё вспять,
И прощальное слово
С твоих зябнущих губ
Безвозвратно слетит...

* * *

Я люблю эту осень в полёте,
В напряжённых разводах ветвей,
Словно том в золотом переплёте
С серебристым тиснением дождей,
С фронтисписом укромного сада,
С вензелями чугунных оград, —
Эту книгу любви и распада,
Эту книгу надежд и утрат.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Холодная осень... А Бунин — с афиши
Глядит недоверчиво: может, во сне
Он видит Россию, московские крыши,
Знакомые улицы в рыжем огне.

Родные названья! Волхонка. Ордынка.
Но дальше — чужие на всём имена.
От Божьего храма и старого рынка
Остались руины. Не те времена.

Он смотрит устало, с тоской эмигранта,
На милую родину, прах деревень,
Кладя на алтарь непомерность таланта,
Как странник кладёт свою ношу на пень.

А там, в небесах, так легко и маняще
Летает, как прежде, всё та же листва,
И дождик идёт затяжной, леденящий...
Холодная осень. Россия. Москва.

* * *

Голубь, зазевавшийся у трассы,
Быстро угодил под колесо.
Из обыкновенной серой массы
Именно ему не повезло.

Птицу подобрал с проезжей части,
Я под пыльным деревцем зарыл.
В наше время это ли несчастье?
Пара окровавленная крыл.

СОН

Памяти мамы и брата

Чайная Горка. Черешни в цвету.
Март расстилает туман по оврагам.
Переступив незаметно черту,
В детство войду нерешительным шагом.

Странно бродить в этом сумрачном сне
По сорнякам босиком в огороде.
В хрупкой, сырой и далёкой весне
Вновь оказался я, Господи, вроде.

Мать улыбается, смотрит в окно.
В дверь постучу — встанет брат на пороге.
Прошлое крутится, словно кино,
Где все герои сопьются в итоге...

Как мне спасти их, вернувшись назад?
Правду от них я старательно прячу.
Только войдя в наш черешневый сад,
Не удержусь вдруг и горько заплачу.

В ЦЕРКВИ

Язык мой нем, глаза незрячи,
Душа убога и пуста,
Когда беру я в церкви сдачу
От купленного мной креста.

В полупустом холодном храме
Я озираюсь, словно вор,
И медными звеня деньгами,
Гляжу в глаза святых в упор.

Как недоступны эти лики!
Какая бездна пролегла
Между носившими вериги
И тем, кто чужд добра и зла!

А рядом — молятся старухи
За тех, кто жалок и убог..
И милостыню ждёт безрукий,
Ушанку притулив у ног.

И я стою, сутуля плечи,
Как будто в мир попал другой,
И машинально ставлю свечи
За упокой, за упокой...

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Мы жаждали правды, искали успеха —
Нам в лица бросали булыжники смеха!

Пока на парадах палили из пушек,
Мы души сгноили в подвалах пивнушек.

Какие мы, к чёрту, поэты, пророки —
Мы кожей впитали эпохи пороки,

И, не протрезвев от повальной попойки,
Вскочили случайно в трамвай перестройки.

* * *

Уличному скрипачу

Блаженна калеки улыбка —
Он рад приближенью весны —
Рыдай, одинокая скрипка,
На злом пепелище страны,
Рыдай в подворотнях московских
И на площадях городских,
И, вместо курантов кремлёвских,
Рыдай в наших душах пустых.
Пусть робко, и жалко, и хрипло
Играет калека-скрипач,
Рыдай, одинокая скрипка,
По нищенке-родине плачь!

* * *

Памяти А. А.

ЦВЗ¹. Или проще — психушка.
Белизна коридоров, палат.
И стерильного вида старушка
Подает мне потёртый халат.

Как уныло в больничном приюте!
Сад ухожен. И выметен двор.
Но таится в казенном уюте
Незаметный и строгий надзор.

Кинозал. Кабинет образцовый.
Калорийный в столовой обед.
И мерцает над всем леденцово
Иллюзорный неоновый свет.

За окном монотонно и длинно
Сеет дождь, барабаня о жёсть.
Над прудом наклонилась калина
И как будто боится расцвести...

Почему ж этой ранней весной,
Когда птицы о жизни кричат,
Жизнь обкрадена здесь тишиною?
И так страшно, что люди молчат.

¹ ЦВЗ — Центр восстановления здоровья.

ПОЭТЕССА

Вот сидит она большая,
Робкая и лишняя
За стаканом бледным чая,
Ест варенье вишенное.

В подражанье носит чёлку,
Стих прочесть пытается.
Ей бы нить продеть в иголку:
Жить — не получается.

Ей бы мужа вместо музыки,
Деточек выращивать...
— Бред какой! Семья — обуза.
И глаза тарашит.

А как ночь придёт седая,
Снежная да вьюжная,
Боже, как она рыдает,
Никому не нужная!

НОВОЕ КЛАДБИЩЕ

1

Зарыли в грязь — ищи теперь могилу
За номером, который позабыл,
Скользи по насыпи, дощатому настилу,
По склону, где лесок когда-то был,
И, если повезёт, увидишь в этой яме,
Где лес крестов и нет свободных мест,
Поставленный совсем недавно маме
Из труб водопроводных ржавый крест.

2

На могиле брата
Встали у креста
Одуванчик, мята,
Плющ и лебеда,
Колокольчик синий
Да крапивы рать...

Розы, георгины
Некому сажать.

ВОРОНЫ

С помоек городских, с весёлых похорон,
Попарно, стаями, как будто на параде,
Торжественно летят, летят со всех сторон
Вороны мрачные на пепельном закате.
Им свалка — родина. Трухлявый тополь — трон.
Есть что-то вешнее в их траурном наряде,
Когда кричат они, срываясь грозно с крон.
И страх растёт в душе: их видел мой прапрадед!

Горластые, они слышны за три версты.
Их карканьем встревожена округа.
Они загадят всё — и звёзды, и кресты,
Выщипывая перья друг у друга.
Рассядутся и так — сидят до тошноты.
Что сумерки им? Ветры или вьюга?
Их ветки обовьют, укроют их листья,
Как ржавая и ветхая кольчуга.

Уверены они. Картав их говорок.
В их тёмном языке скопление согласных.
Им соловей — ничто. Их жизнью правит рок
В скитаниях, побоищах ужасных.
И только острый слух почувствует намёк
На силу грубую, на близкую опасность —
Как тлеющий внутри тревоги уголёк
Займётся яростью, гасить её напрасно.

А полночью, когда зажгут прожектора,
Напомнит память им и место эшафота,
И руки палача, и отблеск топора.
Какая точная здесь шла тогда работа!

Но поздно... Город спит, и брачная игра
Закончилась давно. Взяла своё дремота.
На мирных площадях и в глубине двора
Мерцают пятна лунные помёта.

ГОРОДОК

Голубики горсть. Глубинка.
И небес голубизна.
У заплёванного рынка
Клянчит голь глоток вина.

А в саду — разгул гармошки.
Слякоть. Дом с кривым крыльцом.
И прилип к стеклу в окошке
Дед морщинистым лицом.

У него глазищи сини,
Как озёрная вода.
Сколько вас по всей России,
Голубятни-города?

Храм. Погост. Судьба. Дорога.
Дед вздыхает глубоко:
«Высоко отсель до Бога
И до правды далеко».

* * *

Облезлый плакат и продмаг с каланчою пожарной.
В доскутном отрепье садов, огородов, дождей
Районная осень красуется бабой базарной
Среди подворотен, дворов и кривых площадей.
Торгует грибами и горькой-прегорькой рябиной,
Припрятав до срока в сундук дорогой сарафан,
И лузгает семечки с глупой доверчивой миной.
Но мимо проходит заезжий столичный профан!

А ветер гуляет и с ног её валит, и рыщет,
Облапит ручищей и тащит, и гонит в овраг,
И дышит сивухой, и жалобно воеет и свищет,
И всё не уймётся, не стихнет, не сникнет никак.
И падают листья, и близится дело к развязке,
И птиц перелётных отчаянней крики... И вдруг
Зима подступает, смеясь над законами сказки,
И вместо любви воцаряется в сердце испуг.

* * *

Друзья судачат о Париже,
О визе грезят, о турне,
Хоть выросли в навозной жиже
В глухой российской стороне.

Из них зовёт домой не многих
Распутица родных дорог..
Прости нас, сырых и убогих,
Провинциальный русский Бог!

ПАМЯТНИК

...А он лежал всей бронзой стопудовой
С значительной гримасой на лице.
Его снимали ночью, незаметно,
На детскую площадку положив,
Где возвышались домики и башни,
Дворцы и замки, только из песка.
Болтали няньки: «Солнце закатилось!»
И мы бежали шумною гурьбой
Смотреть сквозь щели досок,
Сбитых грубо, великое затмение его,
Но видели лишь гвозди и верёвки
Да краешек литого сапога.
Кем был для нас он?
Мёртвым Гулливером,
Испугом взрослых, шёпотом, картинкой
В учебнике, обгрызенном мышами,
Портретом, позабытым на стене,
Свистящею согласной и металлом,
Который, впрочем, скоро заржавел;
Потом уже — чудовишной ошибкой,
Развенчанной марионеткой зла...
О, если бы все камни, постаменты,
Гранитное величие его
Собрать бы вместе — получились горы,
Второй Кавказ, где печень Прометея
Клевали бы орлы ОГПУ!
Там, на Эльбрусе самовосхваленья,
Стояли бы, как трубы, сапоги
И арка галифе держала небо,

А френч его — застёгнут был на звёзды,
И молнии топорщились — усища,
И Млечный Путь сиял бы — медный лоб.
Но, слава Богу, небо не безбожно,
А камни пригодятся на земле.
Но в день его сошествия, вернее,
Падения, позора, униженья,
Он был лишь бронзой с полой головой,
Лежавший угрожающе-смешно
Поодаль от пустого постамента
В провинциальном южном городке...
Плыла толпа, судача и толкуя,
И каркал ворон — вещий репродуктор —
О том же самом, что и век назад.
И всё-таки в сознании моем
Тот день и час исчезли бы навеки,
Когда б не мальчик, плачущий надрывно
Над куклою кумира и вождя.
И, может быть, та детская слезинка,
Упавшая на бронзу неживую,
Была в тот миг высоким искупленьем
Пролившихся потоков скорбных слёз?
Как знать, как знать...
Не памятник,
А память живей всего в сознании народа,
Что в будущем потомстве прорастёт
И камень воскресит, и бронзу чувством,
И крепче стали станет человек.

* * *

Снегирь светофора на смятом снегу,
Окурки и мусор — зима городская,
Где жизнь ускользает, дразня на бегу
Озябшим звонком заводного трамвая.
Изучен маршрут, и наскучил пейзаж,
Расчитан весь быт до последней минуты.
Но память — ларец, там акации, пляж,
Качели волны и уютной каюты,
Раскидистый сад и бегущая тень,
Где гроздь глицинии выются лилово...
О, с детства желанный, желаемый плен
Прозрачной воды и песка золотого!
Когда это было? В котором году?
Кому перешло это чудо в наследство?
В московской пурге, как в потёмках, бреду,
Не видно ни зги — не могу оглядеться.
А тело моё, на ходу подхватив,
Несёт круговерть. Оно легче, чем шепка.
И поезд метро заслоняет залив,
И дверцы за прошлым сжимаются цепко.

* * *

Солёный снег. Московская зима
Размокла грязной кашей под ногами.
Пересолила жизнь! Свела нас всех с ума,
Куда бежим — порой не знаем сами.

А в поле чистом загородный снег
Ещё горит на солнце, серебрится,
И по нему саней далёких бег
Спешит в век девятнадцатый укрыться.

ЗЕРКАЛО

Сорок лет я отражался,
Сам себе же улыбался,
Красовался в зеркалах,
Отраженьем любовался,
А теперь в глазах остался
Непреодолимый страх.

Тонкой сетью паутины
На лицо легли морщины,
Неуверенность в словах,
В дополнение картины —
Стали явственней седины
В поредевших волосах.

Ночью вздор какой-то снится:
То ли ангел, то ли птица
В звёздных реет закромах?
Жизнь голубкой постучится —
Рядом ворон-смерть кружится,
Ближе, ближе крыльев взмах!

Я обряд пустой нарушу,
Загляну себе я в душу —
Зеркало в Его руках —
К удивленью обнаружу
Отраженье: море, сушу,
Домик детства на холмах.

Там в пруду кораблик чудный,
Разрисованный, двухтрубный
Оживает на волнах,

Сад проснулся изумрудный,
Дождь запрыгал — шарик ртутный,
Самолётик — в облаках.

Вижу: сиро, виновато
Мать стоит поодаль брата.
Зеркальца на солнце взмах —
И готов я до упаду,
Как пчела в соцветьях сада,
«Зайчика» искать в цветах.

Зеркало! Твой мир откуда? —
Двойственный, как сон и чудо.
Заблудился я впотьмах:
Сад, сирень, игрушек груда,
Звёзд озноб, любовь, простуда...
Прикоснёшься — пыль и прах.

Пусть ветшает мир прелестный,
Плотский, яростный, телесный,
С соком ягод на губах.
Близок час и миг чудесный, —
Вечно юный, бестелесный
Отражусь я в небесах.

* * *

Заденет бабочка крылом —
Ты отшатнешься с непривычки:
Она впорхнула с ветерком
В окно летящей электрички.

И ты замрёшь, едва дыша
Среди дорожного налсада.
Психея, бабочка, душа,
Как ты попала в ад из сада?

И за какой невинный грех
Тебе судьба — стать горсткой пыли?
Я выпущу тебя при всех,
Чтобы не мучилась в бессилье.

Пока ещё не так темно,
Пока ещё в разгаре лето,
Лети и ты, душа, в окно
За бабочкой в потоке света.

* * *

Я больше не прислушаюсь к шагам.
Мне всё равно: твои они? Чужие?
Я выйду в сад полуночный

и там

Вдруг обрету спокойствие впервые.
Слетают листья поздние к ногам,
Свисают звёзды — гнёзда золотые.
Но пусть в великолепный этот хлам
Теперь поверят юноши другие.

РОМАНС

Е. М.

Ты уедешь, забудешь меня,
Будут дни мои злы и суровы,
Фонари за окном без огня
Будут пялить глазища, как совы.
Стану снова часами бродить
И шагами тоску свою мерить,
Хлебом чаек голодных кормить
И холодному морю не верить.

Ни к чему мне теперь вспоминать
О тебе и о вспыхнувшем лете,
Всё равно, где ржаветь и лежать
Позаброшенной в море монете;
Занесло непогодой пляж,
Королевство песочное смыло,
Что же я, словно шут или паж,
Всё брожу побережьем уныло?

В зимних сумерках смутного дня,
На последней минуте заката,
Может, море узнает меня,
Предвечерней печалью объято,
И, прибрежный обдав тамариск,
Вдруг волною о берег ударит
И букет ослепительных брызг
На прощанье подарит.

ФОРМУЛА ЛЮБВИ

Пройдут года. Ты станешь вдвое старше,
В знакомый двор войдёшь однажды вновь...
А формула наивная всё та же:
Она плюс он — равняется любовь!

Цветным мелком её писало детство,
Ещё не зная, к счастью, что она
Почти невыносимая для сердца:
Земная мука плюс твоя вина.

* * *

Чему хотел ты научить
Весь свет,
Не научившийся любить
Поэт?

Пока кричал на всех углах:
«Мир, боль!» —
Росли отчетливей в стихах
Грим, роль.

Они разъели дочиста
Ум, честь.
Читай с газетного листа
Ложь, лезть.

Ты сам судьбы такой просил,
Софист,
Когда глаза твои слепил
Софит.

Стой, декламируй и маши
Рукой.
При полном зале — ни души
Живой.

* * *

Мне чувство тревожное это знакомо:
Сады зацветают, весна невесома,
И небо набухло дождями, как парус,
Развесив на ветках туман и стеклярус;
Всё смешано мартом и ветром разрыто,
И пристань волной ошалелой разбита,
И горечью тянет из старого сада...
Но память тревожить напрасно не надо!
Не лучше ли так, в освещенье двояком,
Смотреть на маяк, зарастающий мраком,
На грани едва уловимого чувства,
Когда вспоминать о прошедшем не грустно.

БАТЮШКОВ В ТАВРИДЕ

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают...

К. Батюшков

В Крым Батюшков прибыл тяжело больным.
Живя в Симферополе, он покушался на свою
жизнь — перерезал себе горло, но остался жив...

Из биографии

Так вот она — мечта, так вот она — Таврида:
Какой-то шум в ушах, бессонница и бред,
Губернский городок, трактир, кариатида,
Сквозь пыльное стекло — татарский минарет.

Но что за свет вдали? Окно ли в ночь открыто?
Скорей, скорей в мечтах от мук земных туда,
Где гложет сердца боль, смиряется обида,
Печальный лечит взор поэзии звезда.

Он погасил свечу. И вновь воображенье
Перенесло его на тот счастливый брег...
Как сон, пришло к нему его стихотворенье.
Ударили часы — не слышен был их бег.

Там снова он обрёл державный дар созвучий,
Обрывки чувств и фраз умея в стих облечь —
То нежный, то литой, то быстрый, то тягучий,
Восславивший Любовь, Отчизну, Дружбу, Речь.

«О радость! ты со мной... — Он жил опять стихами. —
Со мною делишь труд, заботы и обед...»
И в сумерках поэт дрожащими руками
Хватался, как слепой, за ускользавший свет.

«Последние дары Фортуны благосклонной,
Вас пламенны сердца приветствуют стократ!..»
Он, оглядевшись, сел. И дом чужой и сонный
Напомнил вновь ему о горечи утрат.

И между тем, что есть, и тем, что в жизни было,
Зияющий провал ещё бездонней стал.
Там — Фебовы лучи и всё, что так любил он...
Здесь — острый серп луны, как лезвие, блистал...

ПАМЯТИ Н. Б. ТОМАШЕВСКОГО

Жили вы так, словно с Господом спорили,
Чёрт вам не брат,
То ли — профессор из «Скучной истории»,
То ли — Сократ.

Так и запомню вас умным, язвительным,
Резким на слух.
Был в наклонении лишь повелительном
Гордый ваш дух.

Смерть где-то рядом плутала, маячила,
Стучала в дверь.
В тёмном саду ни застолья, ни дачника —
Где он теперь?

Верю, душа его, тайно ранимая,
Плоть отряхнув,
Вновь прилетит на крылах серафимовых
В мильи Гурзуф

И грустит, красотой окрестною
Поражена.
Встанут любимые рядом над бездною
Мать и жена.

Я помяну вас в шалмане запущенном,
Слёзы сглотив,
Где не однажды мы пили за Пушкина
И за Юрзуф.

Боготворили вы край сей таинственный
Ранней весной.
Что же, прощайте навеки в единственной
Жизни земной.

* * *

Сходи от скуки в зоопарк —
Там человечьи лица
У грустных маленьких макак,
И кроток взгляд волчицы.

Там добродушен толстый слон,
Олень с глазами брата,
И опрокинулся в затон
Павлиний хвост заката.

Там ты почувствуешь, как знать,
Что в жизни этой жуткой
Душа способна закричать
И взвиться в небо уткой.

* * *

Кому — восход, кому — закат,
А я и этому денёчку,
В окне больничном, сжатом в точку,
Такому серенькому, рад.

Лежу, читаю всё подряд,
За строчкой поглощая строчку,
А ночь настанет — в одиночку
Отправлюсь в прошлое, как в сад.

Там хорошо: цикады, розы,
Стрекозы, бабочки, шмели,
Идут дожди, грохочут грозы,

Тома поэзии и прозы,
Не все пройдя метаморфозы,
Ещё лежат у ног в пыли...

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Стамбул

Не глазами экскурсанта, а с печалью эмигранта
Я смотрел на древний город — серый пепельный Стамбул,
Море мышцами играло наподобие атланта,
И солёный свежий ветер пенил волны, в лица дул.
Развевался флаг турецкий, рыбаки удили рыбу,
Я глазам своим не верил: проплывали мы Босфор,
И казалось, что однажды эту каменную глыбу
Я во сне далёком видел и знаком мне контур гор.

Мрачно в сумерках стояли, словно стражники, мечети,
Окружив Айя-Софию, мнился плач пленённых жён,
Огоньки переливались, старики толпились, дети,
И ожившей Византией был мой взгляд заворожён.
Как парча царьградских храмов, старых фресок позолота,
Листья осени мерцали — отражала их вода,
За кормой металась чайка и звала, звала кого-то...
И всходили над крестами полумесяц и звезда.

2. Мираж

Желтокожее солнце глядит на восток —
Ядовито-язычески-яркий цветок.

И зелёное знамя весны мусульман
Над крестами золотыми плывёт, как туман.

А в пыли, не пойму, то ли червь, то ли Бог —
Разложившийся труп на развилке дорог.

И окрест пустота... Только голос с вершин:
«Это павший за веру твой брат-славянин!»

3. Звезда Измира

Сквозь дымку призрачных завес
Другого мира
Глядит в глаза мои с небес
Звезда Измира.

Она мерцала здесь всегда,
Крупница пыли.
Сменялись царства, города,
Легенды, были.

И вот среди эгейских волн,
Бродя по свету,
И я, лучом ее пронзён,
Отправляюсь в Лету.

С погоста древнего планет
Над бренным миром
Струит, струит свой мёртвый свет
Звезда Измира.

1994

* * *

От перемены мест
Ничто не изменилось...
Звезда за край небес
Занозой зацепилась.

И так же, как всегда,
Живу оцепенело,
Меня города —
Как жизнь того хотела.

Духовный эмигрант,
Торчу на остановке,
Где клеится сержант
К накрашенной торговке.

Бреду один в толпе,
Не жажду с ближним слиться
И сам шепчу себе:
«Повеситься? Влюбиться?»

* * *

И всё же... жить зачем-то надо —
Собаку вывести гулять,
Забрать ребёнка из детсада,
Хитрить, отмалчиваться, лгать,
Проходим стать на всех походим,
Смех проглотить, не хмурить бровь,
Поплыть корабликом порожним
Без слов тревожных: *Смерть, Любовь...*

* * *

Ветка сирени склонилась в поклоне,
Преобразив красотой
Пыльные стёкла, окно, подоконник
Комнаты полупустой.

Светом залиты тетради и книжки,
Нищенски скудный уют,
Скарб коммунальный. О Господи, слишком
Ярко лучи твои бьют!

Лучше какой-нибудь угол медвежий,
Свиток бескрайней зимы,
Чем этот запах тревожный и нежный,
Веющий властно из тьмы.

Стала пуглива душа и безлика,
Прежний умерился пыл,
И красота — как прямая улика:
Слаб человек и бескрыл.

А за окном разбежались дорожки —
В ад? Или, может быть, в рай?
Господи, ветку сирени в окошке
Нищему духом подай.

ЛАСТОЧКА

Вот опять она летает
Над беседкою в саду,
Домик сломанный латает,
Воду черпая в пруду.

И пока шумят народы,
Грозно спорят кто про что, —
С чувством счастья и свободы
Лепит ласточка гнездо.

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В НАСТОЯЩЕЕ

1

Поляны,
На которых мы играли в детстве,
Стали кладбищами.

Деревья,
Которые мы посадили,
Заслонили свет окнам — их спилили.

Голуби,
Которых мы гоняли, стали плакатной символикой.
Свисти, не свисти, — им уже никогда не взлететь в небо.

Любимые
Превратились в домохозяек. Ты дожил до седины,
И тебе иногда уступают место в общественном транспорте.

Сядь и смотри:
На мальчика, играющего на поляне,
На дерево, цветущее впервые,
На голубей, летающих в небе,
На девушку, смотрящую мимо тебя...

Вглядываясь в настоящее,
Ты видишь прошлое и будущее одновременно.

Возможно,
Однажды кто-то уже написал стихи, подобные твоим,
И тебе об этом скажут,
Возможно.

Возможно,
Однажды кто-то уже признавался в любви, как ты,
И тебе об этом скажут,
Возможно.

Возможно,
Однажды кто-то уже увидел мир почти таким же,
И тебе об этом скажут,
Возможно.

Возможно,
Всё уже было... Но молчать, не петь и не плакать,
Не признаваться в любви вновь —
Невозможно!

* * *

Цикада, бабочка, кузнечик,
Холмы полуденные, зной...
Цикория зубчатый венчик,
Сияющий голубизной, —
Приют и отдых стрекозиный,
Звезда над домом муравья,
Когда склонится тенью длинной
Прохладный вечер у ручья.

И ты дорогою земною,
В сандалях, стоптанных до дыр,
Благоговейно стороною
Обходишь хрупкий этот мир,
Под небом звёздным — человек,
Бредущий горною тропой...
Цикада, бабочка, кузнечик
На равных говорят с тобой.

* * *

Л.

Какой неторенной тропой,
Восстав из тлена,
На Страшный суд пойдём с тобой
Во тьме вселенной?

Всё, чем мы жили — нашу плоть,
Объятя, взгляды
Испепелит в свой час Господь,
Не жди пощады.

Но ты и на краю земли,
В саду распада
Расслышишь голос мой вдали
Сквозь муки ада:

— Любимая, как я любил
Мир этот грешный,
Не променяв на пару крыл
Наш полдень вешний!

* * *

Ты сбросишь платье, словно кокон,
Прильнёшь, забыв о суете, —
Так бабочка у чьих-то окон,
Быть может, бьётся в темноте.
Её страшат заботы утра,
Ей нужен свет запретных свеч,
Чтоб крылья цвета перламутра
На том огне беспечно сжечь.

ПАМЯТНИК У ЦЕРКВИ БОЛЬШОГО ВОЗНЕСЕНИЯ

У церкви Вознесенья
На солнце золотой —
Расселся в отдаленье
Безбожник А.Толстой.

Он смотрит горделиво
На прах церковных плит.
Ему бы кружку пива,
Чтоб вызвать аппетит!

Ему бы чарку водки
Да паюсной икры...
Першит в лужёной глотке
От пыли и жары.

А тут, как наказание,
И, видно, неспроста
Идёт с небес сиянье
Церковного креста.

И вновь кладёт поклоны
В открытой церкви люд.
Глаза Христа — с иконы —
Покоя не дают.

Уж ночь. Ему не спится,
Томит его тоска...
Хотел перекреститься —
Не движется рука.

* * *

В Москву! В Москву!
А что в ней делать?
Москва такая ж глухомань...
Заря за окнами зарделась —
Больная чахлая герань.

Об этом грезилось нам разве
В лугах, где травы и цветы?
В столице суетной погрязли
Провинциальные мечты.

Нет, лучше бы, чем здесь скитаться,
Лысеть и стариться, друг мой, —
В цветущей юности болтаться
В петле курчавой головой.

* * *

На улице метелица
Гуляет, мельтеша.
Глядишь, ещё шевелится,
Болит ещё душа.

Заблудшая? Пропащая? —
Проходим невдомёк,
На самом дне таящая
Небесный огонёк,

Что с силою нездешнею
Несёт бессмертный свет
Сквозь плоть окоченевшую
И жизни этой бред,

Чтоб совесть в ярком пламени
Сияла, горяча, —
В пустой и зябкой храмине
Последняя свеча.

**ПАМЯТИ
ВЛАДИМИРА СОКОЛОВА**

Мы встретились в жизни стихами.
Поклон вам за тихий ваш свет.
Ну вот, вы и стали — ветвями,
И ветром, и небом,
Поэт.

Простимся.
В неприбранном храме
Замолкли друзей голоса.
И страшно взглянуть Марианне
В большие от горя глаза.

Стою и сказать не умею
Как дорог мне тот человек...
Прощайте!
Кружится в аллее,
Как ангел, любимый ваш снег.

январь 1997

* * *

Н. А.

Всё это не беда,
Мелкая брань товарок...
Вызревшая звезда
В небе и есть подарок
Нищим на Рождество
В зябком проёме арки,
Там, где их божество
Переполняет чарки.

Всё это пустяки,
Грёзы, тоска по Югу...
Рыжие огоньки
Белкой снуют по кругу,
Продребезжит трамвай,
Брызнув на перекрестке
Искрами. Что ж: «Бывай!»
Окон погаснут блёстки.

Всё это, боже мой,
Было всегда и будет...
В юность бы нам, домой —
Кто за сей грех осудит
Пленников здешних мест,
Где бомжевать не просто...
Светит нам Южный Крест
В небе, как средь погоста.

ПОЭТЫ

Кричали с эстрады о вечном,
Горланили спьяну стихи,
А сами, как стадо овечье,
Пугались любой чепухи.

Метались, толкаясь в загоне,
Терпели и стужу, и грязь...
Им снились крылатые кони,
Что мчали их к славе, клубясь.

Но время, листая страницы,
Развевало многое в прах,
Лишь слов золотые крупницы
Лежат на Господних весах.

* * *

Ночной трамвай и — отраженье
В огромной луже проплывает
И это плавное скольженье
Плывущих рыб напоминает,
Как будто дождик — это леска
В руках проворных рыболова...
Вот так бы весело и дерзко
Поймать единственное Слово!

* * *

«Подайте слепому за ради Христа!» —
Разносится в поезде эхо.
А в окнах вагона спит красота —
Для зрячих пустая потеха.

Уткнувшись в газету, зевает юнец.
Семейство жуёт и скучает.
Зачем ты придумал мир этот, Творец?
Никто никогда не узнает.

Одним — от рожденья по гроб темнота,
Другим — видеть свет, как привычка...
«Подайте слепому за ради Христа!» —
Грохочет в полях электричка.

* * *

Багряным окроплён вином,
Снежком январским оторочен, —
Шиповник замер за окном,
Склонивши ветки у обочин.

И странно-беспокойный свет
От ягод лёг в снегах окрестных,
Как будто кровянится след
Твоих, Господь, мучений крестных.

* * *

Сшивай небесное-земное
Своими нитями, снежок,
Воображение ночное
И тот, из детства, бережок,
Где в синеве маячил парус
И обещал, не то что б рай, —
Волны разбившейся стеклярус,
Тавриды богоданный край;
Латай, затягивай потуже,
Всё, что сбылось и не сбылось,
Кольцом январской лютой стужи
Скрепляй, что сшить не удалось —
И обретенья, и утраты,
Надежд цветные лоскуты,
Накладывай зимы заплаты
Поверх зловещей пустоты,
Баюкай музыкой сознание,
Прикосновением лечи...
...Ложится снег, как подаянье,
В беззвёздной нищенской ночи,
И под немое это пенье
Всё мается, едва дыша,
Наивной верой в Воскресенье
Заледеневшая душа.

* * *

Борису Викторову

Опять зима, зима, зима,
И снег, сырой и грязноватый,
Укрыл озябшие дома,
Как ёлки прошлогодней ватой,
Опять друзья ушли в запой,
Пичуги в гнёздах притаились,
Замысловатую резьбой
Опять катки засеребрились.
Ну что ж! И ты себя уважь,
Достань заветную заначку,
Непозволительную блажь
Осуществи, махнув на дачку
Пустую...

Канет за лесок
Грохочущая электричка
(Так чиркает о коробок
Последняя среди ночи спичка),
А здесь — такие терема
Возвёл мороз — аж стынет в глотке,
И кажется, сойдёшь с ума
От неба, звёзд, любви и водки.

* * *

Ни ёлки, ни ларца, ни запаха подарка,
Который тайно ждёшь всю ночь под Новый год,
А только — пустота, сырая горечь парка,
Мерцающий фонарь, игрушкой вмерзший в лёд,
Полжизни позади, горсть мелочи в кармане,
Почти забытый вкус из детства леденца,
И жёлтый жалкий свет, рассеянный в тумане,
Увявшего, как лист, осеннего лица...

ЧЕХОВСКИЙ САД

С. Г.

За увитой ветками оградой,
Как во сне, я вижу этот сад.
Он стоит, не тронутый распадом,
Как и двадцать лет тому назад.

До последней чѐрточки знакома
И шемящей нежности полна
Одинокость чеховского дома,
Грусть венецианского окна.

Кипарис. И в лёгкой дымке горы,
Словно годы в дальнем далеке...
До сих пор слышны здесь разговоры,
Чей-то смех... И тени на песке...

Но в ряду волшебных превращений
Мне другой запомнился сюжет:
Сад ночной, и на твои колени
Молоком пролился лунный свет.

Ты была юна и белокура
В том далёком памятном году,
И стрела разящая Амура
Угодила в сердце на беду.

А когда в саду погасли свечи
Южных звёзд, и день встал без прикрас, —
Понял я значенье нашей встречи,
Краткой, словно чеховский рассказ.

* * *

Последнее лето двадцатого века,
Бесславьем увенчанный Крым.
И волны на скалы взлетают с разбега,
В стеклянный развеяны дым.

В стихии разгульная есть еще сила,
Бескрайняя хлябь глубока.
Отныне великой державы могила
Прописана здесь на века.

Разбойные ветры кочуют с Босфора,
Молчит виновато Форос.
И к даче злосчастной, как месту позора,
Путь горькой полынью порос.

Последнее лето двадцатого века,
Наследная наша вина...
Кровавым пятном, что на лбу у генсека,
Ты стала, родная страна.

КОКТЕБЕЛЬ

Посёлок дачный Коктебель
Оплакал ливень.
Скамья и жёсткая постель
За двадцать гривен
В пристройке слепенькой в саду
У злой старухи,
Где, словно демоны в аду,
Роятся мухи.
Жаровни и шашлычный чад
На побережье.
Но вина крымские горчат,
Не то, что прежде,
Когда пустынен был залив
И не загажен,
И набран мелко курсив
За ближним кряжем —
Прошитой золотом волны
Вдоль горизонта,
Как будто грёзы или сны
Ночного Понта.
Здесь пели музы двух столиц,
Царил Волошин,
А ныне — скрипы половиц
И Дом заброшен.
Он, как ракушками, оброс
Лотошным хламом,
И жарит скумбрию пиндос¹

¹ Строка из стихотворения А. Масалова
Пиндос — грек.

Заезжим хамам.
И только моря сердолик
Таит такое,
Что оживает хоть на миг
В душе бывшее.

* * *

А.

Твои волосы с рыжим отливом,
Развеваясь, по ветру летят.
Над пустым и остывшим заливом,
Как плавник, розовеет закат.

Позабылись здесь дрязги мирские,
И не помнит душа о тоске,
Только катятся волны морские,
В золотом зарываясь песке.

ЯЛТА

Памяти Сергея Новикова

В этом городе так пусто,
В этом городе так больно,
Что плевать всем на искусство:
Здесь других забот довольно.

Нет друзей. И нет подружек.
Правит смерть лихие даты.
Строй пивных гранёных кружек
Поредел у колоннады.

Лишь прибой ещё мусолит,
Лижет соль прибрежной гальки,
Но и он вот-вот уронит
Свой бокал. Взовьются чайки —

Хохот их пронзает душу,
Холодом бежит по коже...
Ты залей нам воском уши,
Проведи нас, грешных, Боже,

Между Сциллой и Харибдой
Злых времён, политых кровью,
Сбереги своей молитвой,
Приласкай своей любовью,

Чтобы вновь у Златоуста
Мы сошлись под звёздным небом,
Живы правдою искусства,
А не гривнами и хлебом.

* * *

Откуда? Нахлынет такое...
В душе беспросветная тьма.
И небо насквозь голубое
Не сводит, как прежде, с ума.

Проснуться. Одеться. Побриться.
Монетку сжимая в горсти,
В мышинной толпе раствориться —
Ни вешки на гиблом пути!

Заблудшим в эпоху распада,
Затерянным в дебрях словес,
Дешёвые звёзды эстрады
Сияют с фальшивых небес.

* * *

Я думал, что Ты существуешь
И любишь всех нас, бережешь,
Прощаешь, скорбишь, негодуешь.
Но что, если всё это ложь?

И мы, как заблудшее стадо,
Заложники чьей-то игры:
Жуй травку, терпи или падай
В разверстую бездну с горы.

* * *

Скучная, неудачная
Жизнь. Но ласкает слух
Станция Новодачная,
Где голосит петух.

Лечит получше всякого
Лекаря русский сплин —
Рошица эта зябкая
С оспинками рябин.

Больно глазам от просини.
Боже, в который раз
В сотах медовой осени
Взгляд, как пчела, увяз.

БОЛЬНАЯ ЯБЛОНЯ

Тревожно в сумерках роняет
Больная яблоня плоды,
Как будто чувствует и знает,
Что близок час большой беды,
Что дряхлый домик в два оконца
И дворик, и деревьев ряд,
И эту даль, и это солнце
Уже скупили, говорят,
И что хозяин жизни новой,
Сметливый и проворный бес,
Построит дом здесь образцовый,
Поставит новый «мерседес»...

И по ночам, как гул набата,
Плоды стучат, стучат, стучат
О том, что всё пройдет когда-то:
И новый дом, и новый сад.

* * *

Хлопочем, заботимся, строим,
Мечтаем о дне золотом, —
А счастья земного не стоим,
И рухнет непрочный наш дом.

Он слеплен из грязи и тины
Заглохшего в сквере пруда,
Где птицы в обрубках осины
Гнездо не совьют никогда.

* * *

После томительной жары
Прошли живительные ливни.
Листва, устлавшая дворы,
Прилипла к плитам, точно гривны:
С одной — тарашится Тарас,
С другой — свисает ус Богдана...
Осыпался ветвей каркас
Монументального платана,
Где сиживал бывало росс,
И грек, и турок, и татарин.
Национальный был вопрос
В раю земном не актуален —
На фоне моря и скалы,
И виноградной нежной плоти,
Вина и спелой мушмулы
В наилегчайшей позолоте.

* * *

Камни, Таврида, твои солонь, горячи,
Тридцать три года я грелся на них — на печи.

Тридцать три года смотрел на простор вековой,
Но утомил и меня однозвучный приборь.

Бес ли попутал, а, может быть, классик: «В Москву!»
Сел в самолет — и на чахлую вышел траву.

В парке столичном, где ждал меня хмурый дружок,
Выпил вина, а закуска — колючий снежок.

Ветер трубил-завывал в заводскую трубу:
Только дурак может выбрать такую судьбу.

Видишь в домах золотой за окошками свет,
А у тебя за душой ни копеечки нет.

«Нам не гулять, не сидеть за столом на пиру —
Друг мне сказал. — Я в свою возвращаюсь дыру».

Стерва-Москва на морозе румяна, свежа,
Сытым — жена, и продажная тварь — для бомжа.

В слёзы мои, золотая, хоть верь, хоть не верь,
Ты и сама извелась от измен и потерь.

Жил, пропадал, ненавидел тебя и любил,
Но и такой ещё больше тебе я не мил.

Встал, и стою на распутье: не там и не здесь,
Застит глаза непроглядная едкая взвесь.

Жадные псы добела обглодали мослы
Павшей страны. Вон и Крым умыкнули хохлы.

Как возвращусь, заору в набежавший прибой:
Что сотворил ты, Господь, с моей бедной страной!

Ярость моя возмутит седовласый простор —
Эхо вернёт мне назад грозный мой приговор:

«Вспомни свой дом, что ты сам разметал, разорил,
Встала трава, словно лес, у забытых могил!»

В море смотреть да лежать бы себе на печи...
Камни, Таврида, твои солоньки, горячи...

* * *

Кузнечики-легионеры
В прибрежных спрятались холмах.
В их пузах травы спят и веры,
Как Хлебников сказал в стихах.
И в августовский зной, штурмуя
Отроги горного хряща,
Шагнёшь и — прыснут,
крылышка
Подкладкой римского плаща.

* * *

Есть виноград, смотреть на море,
На парус облака в окне,
Или на горлиц на софоре
Всё так же интересно мне...

Так день неспешно протекает
И ткёт узоры бытия,
И в ткань, как ниточку, вплетает
Твоё единственное «я» —

Незримое переплетенье,
Неуловимое звено.
Но в это зыбкое мгновенье
Ты вместе с вечностью — одно.

* * *

У ласточек ужин в небесной столовой —
Комарики, мошки в июньском меню...
А я над крапивой и болиголовом
Повинную голову низко склоню.

Качнутся от ветра высокие травы —
Как будто пасутся коней табуны...
А я, словно сад, что зачах от потравы,
Где певчие птицы давно не слышны.

Прости меня, Родина, — небо и поле —
За то, что чужой этой райской глуши,
За то, что от грешной свободы и воли,
Для сладостных слёз не хватает души.

ФОФАНОВ

Наш Фoфан в землю вкопан...

К. Олимпoв

Фoфанoв ли, Фoфaнoв? —
Экая ерунда.
В сборище графоманoв
Гасла его звезда.

Купчики, поэтессы,
Мелкий чиновный люд...
«Пробочники! Дантесы!» —
Гения не признают.

Пушкину, словно Богу,
Вечно молиться мог.
Но перешли дорогу
Брюсов ему и Блок.

Не господа во фраке,
Щёголи да князья —
Гатчинские бродяги
Были его друзья.

Так с нищетою рядом
Дни коротал он, голь.
За сумасшедшим взглядом —
Грёзы и алкоголь.

В доме ни крошки хлеба,
Куча детей, жена,
Но колесница Феба
В небе ему видна.

Ну, а когда в горячке
Помер он, одинок,
Горько рыдали прачки
И футурист-сынок.

* * *

За окном — по лужам вижу —
Дождик мелкий моросит.
Как его я ненавижу!
Выпасть что ли в эту жижу
Вниз башкой?

Заголосит
Дворничиха в подворотне,
Ветошью накроют труп,
И, подобно чёрной сотне,
Растревожив сон Господний,
Вороньё сорвется с куп
Тополей.

И станет тихо,
Тихо так — как никогда...

Детство. Травы. Запах жмыха.
Море. Парусник. Звезда.

* * *

Тем ягодам не зреть на сломленных ветвях... —
Запомнил я сквозь сон навязчивую строчку
И тут же позабыл, оставив второпях
Пометку на листке — пустую оболочку.
И вот, пока я жил, блуждал в чужих краях,
Надежды растеряв и старясь в одиночку,
Строка вдруг проросла —
...на сломленных ветвях
тем ягодам не зреть, — в судьбе поставив точку.

* * *

Л.

Огонь и воду мы прошли,
Но трубы медные молчали,
И только в небе журавли
О чём-то жалобно кричали.

Молчали рощи и дуга,
И ты, любимая, молчала,
Моря сменяли берега
И повторялось всё сначала —

Зачем? Об этом знает Бог,
Что жнёт и сеет нас, как травы,
И властно манит за порог,
Где нет ни родины, ни славы...

ТРОЕКУРОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Памяти Анатолия Жигулина

Вот и пришли мы к вам в гости.
Тихо и пусто окрест.
Словно на сельском погосте:
Капли росы на берёсте,
И покосившийся крест.

Здесь, у последнего края,
В пышном убранстве могил,
Ваша — не в камне, простая,
Встала, берёзкой сверкая,
Видеть её нету сил.

Бабочки лишь да стрекозы
К сорной прибились траве —
Радости краткие слёзы,
Сны или метаморфозы
В каменной сердцем Москве.

Комья рассохшейся глины,
Горестный путь ваш земной,
Веточка чёрной калины —
Всё это станет отныне
Болью и нашей виной.

НОВОГОДНЕЕ

Я купил большую ёлку
И домой её принес,
Только в этом мало толку,
Только в этом много слёз —

Не придут на ёлку в гости
Закальчные друзья:
На заснеженном погосте
Ёлочка у них своя —

Настоящая, живая,
Как положено в лесу,
На ветвях снежинка, тая,
Превращается в слезу.

Крепко спят они, как дети
Накануне Рождества,
На могилах — по конфете,
Прошлогодня листва,

Чёрствый хлеб и водка в кружке,
И осколок острый льда,
И любимая игрушка —
Новогодня звезда,

Как тогда, когда любили
В жизни краткой, золотой,
Где мы были, были, были,
И где будем вместе — в той.

* * *

Б.

Нужно забыть себя, спиться, подохнуть,
С круга сойти, повалившись без сил,
Чтобы смогли над стихом твоим охнуть,
Чтоб некий критик тебя оценил,
Но, усмехнувшись, заметил при этом:
«Это, конечно, не Бродский, не Блок...»,
Чтоб твоё имя пошло по газетам,
Стало известным, попав в некролог.

* * *

В веке про́клятом, двадцатом
Я хочу ещё пожить
И на мостике горбатым
Постоять и покурить.

Прежде, чем в тысячелетье
Новое перешагнуть, —
Всех, кто сгинул в лихолетье,
Поимённо помянуть.

И глядишь, за этим списком
Час пройдёт, за ним другой...
Жизнь касаткой низко-низко
Промелькнёт передо мной —

Не догонишь, не поймашь,
Не разлюбишь, не вернёшь,
Ничего в ней не исправишь,
Ничего в ней не поймёшь.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Кублановский. Ускользящее бытие	5
Пейзаж	11
«Дерево к ночи — подобье гнезда...»	12
«Люблю бродить в ночном саду...»	13
Бабочка	14
«Летний денёк нынче выпал такой...»	15
«От жары изнемогая...»	16
Гроза	17
В парикмахерской (из детства)	18
«Фонтан отвергнут высотой...»	19
В больничном саду	20
Базар	21
Срубленное дерево	25
«Постояли у башни Зенона...»	26
Гомер	27
«Золоточешуйчатая ночь...»	28

«И море остыло. И лодки забыты...»	29
«Как браслет с твоей руки...»	30
Купальщица	31
Происшествие	32
«Облетела листва, стало тише и проще...»	34
«Я люблю эту осень в полёте...»	35
Возвращение	36
«Голубь, зазевавшийся у трассы...»	37
Сон	38
В церкви	39
Моё поколение	40
«Блаженна калеки улыбка...»	41
«ЦВЗ. Или проще — психушка...»	42
Поэтесса	43
Новое кладбище	
1. «Зарыли в грязь — ищи теперь могилу...»	44
2. «На могиле брата...»	44
Вороны	45
Городок	47
«Облезлый плакат и продмаг с каланчою пожарной...»	48
«Друзья судачат о Париже...»	49
Памятник	50
«Снегирь светофора на смятом снегу...»	52
«Солёный снег. Московская зима...»	53
Зеркало	54
«Заденет бабочка крылом...»	56
«Я больше не прислушаюсь к шагам...»	57
Романс	58
Формула любви	59
«Чему хотел ты научить...»	60
«Мне чувство тревожное это знакомо...»	61

Батюшков в Тавриде	62
«Давай с тобой поговорим...»	64
Памяти Н.Б. Томашевского	65
«Сходи от скуки в зоопарк...»	67
«Кому — восход, кому — закат...»	68
Три стихотворения	
1. Стамбул	69
2. Мираж	69
3. Звезда Измира	70
«Поклон земле обетованной...»	71
«От перемены мест...»	72
«И всё же... жить зачем-то надо...»	73
«Ветка сирени склонилась в поклоне...»	74
Ласточка	75
Вглядываясь в настоящее	
1. «Поляны, на которых мы играли в детстве...»	76
2. «Возможно, однажды кто-то уже написал стихи...»	77
«Цикада, бабочка, кузнечик...»	78
«Какой нетореной тропой..	79
«Ты сбросишь платье, словно кокон...»	80
Памятник у церкви Большого Вознесения	81
«В Москву! В Москву!..»	82
«На улице метелица...»	83
Памяти Владимира Соколова	84
«Всё это не беда...»	85
Поэты	86
«Ночной трамвай и — отраженье...»	87
«Подайте слепому за ради Христа!..»	88
«Багряным окроплён вином...»	89
«Сшивай небесное-земное...»	90
«Опять зима, зима, зима...»	91

«Ни ёлки, ни ларца, ни запаха подарка...»	92
Чеховский сад	93
«Последнее лето двадцатого века...»	95
Коктебель	96
«Твои волосы с рыжим отливом...»	98
Ялта	99
«Откуда? Нахлынет такое...»	101
«Я думал, что Ты существуешь...»	102
«Скучная, неудачная...»	103
«Так много осени и как её прожить...»	104
Больная яблоня	105
«Хлопочем, заботимся, строим...»	106
«После томительной жары...»	107
«Камни, Таврида, твои солонны, горячи...»	108
«Кузнечики-легионеры...»	110
«Есть виноград, смотреть на море...»	111
«У ласточек ужин в небесной столовой...»	112
Фофанов	113
«За окном — по лужам вижу...»	115
«Тем ягодам не зреть на сломленных ветвях...»	116
«Огонь и воду мы прошли...»	117
Троекуровское кладбище	118
Новогоднее	119
«Нужно забыть себя, спиться, подохнуть...»	120
«Капустница, потрёпанная ветром...»	121
«В веке проклятом, двадцатом...»	122

*Издание осуществлено при содействии
Общероссийской общественной организации
«Литературный фонд России»*

Владимир Борисович Коробов

САД МЕТАМОРФОЗ

Стихотворения

Редактор *Б. Евсеев*
Корректор *Л. Матвеева*
Художественный редактор *С. Муратов*
Компьютерная вёрстка *В. Тушева*

Союз российских писателей
Адрес: Москва, ул. Поварская, д. 52, офис 32
Тел. (495) 291-03-45
Факс. (495) 291-03-45

Подписано в печать 15.05.08. Формат 84х90^{1/16}.
Объем 6,1. Тираж 1500 экз.

Отпечатано в ОАО «Типографии «Новости»
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 46

